

Глава 14

ЛЕНИН: “ТО ЖЕ — БАБЫ? С КЕМ ЕЩЕ ПИЛИ И ГУЛЯЛИ?”

В вышедшей в свет в 1993 году книжке А.М.Иванова “Логика кошмара” указывалось: “Г.К.Орджоникидзе среди коммунистических правителей нашей страны был отнюдь не из худших, так что непонятно, зачем вдруг вздумала задним числом опубликовать набор сплетен о нем “Российская газета” (3 июля 1992 г., статья А.Латышева “Позднее прозрение”).” Мой оппонент, труд которого отличается одной особенностью — уточнением “пятого пункта” почти по каждому упоминаемому им лицу (еврей тот или не еврей) — видимо, плохо представляет себе, что в архивах имеются документы, касающиеся и “отнюдь не худших” коммунистических вождей. А статья моя целиком и полностью базировалась на архивных документах из ленинских фондов, в том числе “секретного”.

Думаю, что подобные документы, которыми приоткрывается завеса, скрывавшая до наших дней сложные, неоднозначные отношения Ленина со своими соратниками, товарищами по партии, представляют немалый интерес. Проанализируем несколько документов из этого фонда за 1920 год, относящихся к человеку, которому вождь в течение полутора десятилетий доверял больше, чем кому бы то ни было из своего окружения. Речь идет о Григории Константиновиче Орджоникидзе — “товарище Серго”. Согласен, что он был далеко не худшим представителем так называемой “ленинской гвардии”. В отличие от Сталина, чьи злопамят-

ность, мстительность, иезуитское коварство и неутоляемое властолюбие составляли основу его темной души, Серго отличали известная простота и непосредственность в общении с людьми. Он был горяч, несдержан, постоянно срывался на крик, в горячке полемики мог подкрепить свои доводы пощечиной.

Троцкий дал ему такую характеристику: “Агентом Сталина на Кавказе был Орджоникидзе — горячий и нетерпеливый победитель Грузии, воспринимавший каждое сопротивление, как личное оскорбление”. В то же время выходец из дворянской семьи Орджоникидзе выделялся проявлениями кавказского рыцарства, широтой натуры, прямоотой, личным мужеством. Учился в фельдшерской школе, знаниями не блистал, но отличался неиссякаемой энергией и упорством в достижении поставленной цели.

Получив первый революционный опыт в Закавказье и Иране, Орджоникидзе был единственным учеником ленинской школы партийных руководителей в Лонжюмо под Парижем, который после октябрьского переворота оказался в высших эшелонах власти. Именно ему, Орджоникидзе, был обязан Ленин успешным созывом VI (Пражской) конференции в 1912 году, оформившей окончательный “развод” большевиков с реформистским крылом партии. Накануне конференции по поручению Ленина Орджоникидзе ездил в Россию, где лично подбирал делегатов. На самой конференции была воссоздана большевистская партия (до этого РСДРП являлась объединенной партией большевиков и меньшевиков), а Орджоникидзе был избран в состав ее Центрального Комитета из семи человек. Более того, он возглавил Русское бюро ЦК. Неудивительно, что когда Ленин летом 1917 года ушел в последнее подполье, то именно Орджоникидзе наладил его связь с Петроградом. И именно Орджоникидзе выступал на VI съезде РСДРП(б) с докладом относительно явки Ленина на суд. Активно участвовал он и в октябрьском перевороте. А в декабре 1917 года решением Совнаркома Российской Федерации Серго назначается временным чрезвычайным комиссаром района Украины. В связи с оккупацией немецко-австрийскими войсками украинских земель Орджоникидзе возглавляет Временный чрезвычайный комиссариат Южного района, которому представляется право

контроля над деятельностью всех советских учреждений Донской, Кубанской, Терской, Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, Крыма, а также Черноморского флота. Участвовал он и в обороне Царицына под руководством Сталина, с которым сблизился еще в годы первой русской революции.

Весь 1919 год Орджоникидзе провел на фронтах — Южном, Западном, затем опять Южном. 5 октября 1919 г. он назначается членом Реввоенсовета 14-й армии.

Впервые опубликованный мной документ из “секретного” фонда — рукописное письмо Ленина на бланке Совета рабочей и крестьянской обороны:

“5.1.20 г. Секретно. Тов. Орджоникидзе.

Т. Серго. Получил сообщение, что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю. Формальная бумага. Скандал и позор! А я то Вас направо-налево всем нахваливал!! И Троцкому доложено...

Ответьте тотчас!

1) Кто Вам дал вино?

2) Давно ли в РВС 14 у Вас пьянство?

3) То же — бабы? С кем еще пили и гуляли?

4) Можете по совести обещать прекратить или (если не можете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.

5) Командарм 14 — пьяница? Неисправим?

Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет! Ваш Ленин”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.231с.)

Командармом 14-й армии в тот период был И.П.Уборевич. В своих воспоминаниях об Орджоникидзе он писал: “Я с большой сердечной теплотой вспоминаю о совместной работе с товарищем Серго в 14-й армии... В редкие часы отдыха, когда можно было хоть немного отвлечься от сводок, телеграмм и событий на фронте, мы слушали рассказы Серго о Владимире Ильиче Ленине, которого он очень любил, о Пражской конференции и о революционной борьбе кавказских народов. В этих беседах, которые я никогда не забуду, он учил нас, молодых тогда членов партии, основам большевизма, закалял нас для борьбы с врагами”. О вине и бабах “в редкие часы отдыха” командарм, естественно, не писал.

Письмо интересно не только необычным для вождя лексиконом, но и подоплекой стоявших за ним событий. Факты свидетельствуют, что в тот период борьба между двумя группировками в руководстве Красной Армии достигла крайней остроты. С одной стороны — Троцкий, Сокольников, с другой — Сталин, Орджоникидзе.

К Ленину поступали в те годы сигналы о пьянках не только Орджоникидзе, но и Сталина. В своих мемуарах Н.С.Хрущев свидетельствовал: “Сталин рассказывал, что Ленин вызвал его в Москву (из Царицына — *А.Л.*), он приехал и докладывал о положении вещей. Потом Ленин ему говорит: “Батенька, я получил сведения, что Вы там пьянствуете: сами пьете и других спаиваете. Нельзя это делать!” Сталин и не отрицал, что он там пил. В чем же дело? “Вот видите, кто-то ему наговорил. Это спецы наговорили, а он мне нотацию читал”, — высказывался Сталин с явным неудовольствием”.

Всех “спецов”, то есть военных специалистов из состава царского офицерского корпуса, Сталин рассматривал как сторонников Троцкого. Причину снисходительности Ленина к пьянкам Сталина (а, следовательно, и Орджоникидзе) объяснял сам Троцкий. В 1919 году Лев Давидович пожаловался вождю, что Сталин пьет вино из царских подвалов в Кремле. Сталин был вызван по поводу этого обвинения на очную ставку с Троцким, который утверждал: “Если на фронт дойдет слух, что в Кремле идет пьянство, это произведет дурное впечатление”. Несмотря на то, что продажа алкогольных напитков в то время в России была запрещена, Сталин запротестовал, утверждая, что кавказцы не могут обойтись без вина. “Вот видите, — сказал Ленин, — грузины не могут жить без вина”. На этом дискуссия окончилась. “Я капитулировал без борьбы”, — вспоминал Троцкий.

А Орджоникидзе 15 октября 1919 г. (ровно через 10 дней после своего вступления в должность члена РВС 14-й армии) сообщил Ленину о беспорядках в армиях Южного фронта, обвиняя Троцкого и Сокольникова:

“Я теперь назначен в Реввоенсовет XIV армии. Тем не менее решил поделиться с Вами теми в высшей степени важными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомыслен-

ное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка. Среди частей создали настроение, что дело советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь. В XIV армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения. В VIII армии дела не лучше. Вообще то, что здесь слышишь и видишь — нечто анекдотическое... Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия т.Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо. И наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию, и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграть с целой армией”.

Отметим, что Г.Сокольников командовал 8 армией с октября 1919 года до ее расформирования в марте 1920 года.

На этом письме С.Орджоникидзе имеется надпись Ленина: “По отзывам и Уншлихта и Сталина, Серго надежнейший военный работник. Что он вернейший и дельнейший революционер, я знаю его сам больше 10 лет” (51; 59).

А датой 11 ноября 1919 г. (когда не прошло еще и месяца пребывания Орджоникидзе на новом посту) Биохроника жизни и деятельности Ленина зафиксировала следующий факт: “Ленин читает телеграмму члена Реввоенсовета 14 армии Южного фронта Г.К.Орджоникидзе с сообщением о разгроме дмитриевской группировки войск Деникина, взятии г.Дмитриева-Льговского и слободы Михайловки (Курская губ.) и о захвате пленных и трофеев...” Именно 14-я армия вынудила войска Деникина отойти от Орла, и Ленин видел в этом немалую заслугу Орджоникидзе.

Тем не менее Серго 26 января 1920 г. был смещен со своего поста. Одновременно освободили от должности и Уборевича, который в конце февраля 1920 года отправился на Северный Кавказ, где командовал 9-й армией. Нет свидетельств, какими соображениями руководствовались власти страны, совершая эту рокировку, но по прошест-

вии двух месяцев Уборевич возвратился на прежнее место службы.

Орджоникидзе, тем временем, быстро пошел в гору. С февраля 1920 по май 1921 года он входит в состав Реввоенсовета Кавказского фронта. В этот же период становится председателем Северо-Кавказского ревкома и Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе, или, выражаясь более доступным языком, полновластным диктатором этого богатого региона. Под его руководством большевистская диктатура распространяется на все Закавказье.

Но и дальнейший путь Серго к вершинам власти не был усыпан розами. Горячий Серго нередко закусывал удила — и вождю из опасения новых политических обострений приходилось вновь и вновь сдерживать его. Так, 3 мая 1920 г. Лениным была получена телеграмма из Баку от Г. Орджоникидзе с сообщением о том, что не позднее 15 мая Красная Армия надеется войти в Тифлис — столицу самоопределившейся Грузии с меньшевистским правительством. 4 мая Ленин получил вторую телеграмму Серго о возможном занятии Тифлиса не позже 12 мая. В тот же день состоялось заседание политбюро ЦК РКП(б), которое, обсудив телеграммы Орджоникидзе, постановило немедленно послать ему телеграмму с запрещением “самоопределять Грузию. Продолжать переговоры с грузинским правительством” (51; 424). В направленной на имя Орджоникидзе телеграмме за подписью Ленина и Сталина указывалось: “ЦК обязывает Вас отвести части из пределов Грузии к границе и воздержаться от наступления на Грузию” (51; 191).

В Москве считали, что вводить части Красной Армии на грузинскую территорию еще преждевременно. Д. Волкогонов впервые опубликовал ответ вождя 18 ноября 1920 года на телеграмму Сталина о “необходимости оккупации Грузии”: “... надо очень осторожно обдумать, стоит ли воевать с Грузией, потом ее кормить...” В мае 1920 года Советская Россия заключила с Грузией мирный договор. Проходит почти год — и, наконец, 14 февраля 1921 г. Ленин дал довольно циничную установку на “советизацию” Грузии: “Цека склонно разрешить 11-й армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11 после

серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех” (52; 71). С “международными нормами” большевики не считались, главное — “успех”, который и был достигнут вводом Красной Армии в Грузию. И на следующий день вождь по тому же адресу дал более конкретное указание — под видом защиты повстанцев в нейтральной зоне (не входившей в состав Грузии): “...мы ожидаем от РВС 11 энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед взятием Тифлиса...” (52; 71). К этому времени удалось блокировать грузинскую территорию. Так осуществились намерения горячего Серго.

Еще 15 апреля 1920 г. Ленин телеграфировал Орджоникидзе: “Уполномочиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов... По вопросу о земельных отношениях можете действовать самостоятельно, сообщая, однако, о предпринимаемых Вами мероприятиях в этой области” (51; 178). А в конце июня 1920 года Ленин направляет во Владикавказ тревожную телеграмму, текст которой до моей статьи “Позднее прозрение” не публиковался: *“Немедленно приостановите впредь до получения указаний Центра приведение в исполнение Ваших постановлений о принудительном расселении казаков станиц Терской, Сунженской, Воронцово-Дашковской, также принудительном отчуждении пахотных земель у казаков для наделения ею горских племен тчк Телеграфируйте Наркомзему мотивав побудивших Вас принять указанные постановления тчк Исполнение телеграфируйте”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д. 14490). Вождь, видимо, опасался новых антисоветских выступлений казачества.

Впрочем, ориентация Орджоникидзе на форсированное “рассказачивание” осталась неизменной — о чем свидетельствуют его выступления в последующие месяцы. Например, в речи на заседании Съезда народов Терской области 17 ноября 1920 г. Серго подчеркивал: “Советская власть знала, что наша партия не выполнит здесь своей миссии, если она не даст горцам самоуправления и не возвратит им их земли. Здесь, на Северном Кавказе, придется это сделать при самых трудных условиях. Самодержавие еще 60 лет назад, чтобы закрепить свою власть, применяло всевозможные прие-

мы, выселяя горцев и заселяя их земли казаками. Мы знали, что придется ломать устои, предубеждения, сохранившиеся здесь многие десятки лет”.

А беседу с сотрудником Грузкавроста в Тифлисе 9 марта 1921 г. Орджоникидзе заканчивает такой “идиллической” картиной: “Казачество также сохраняет спокойствие. Одни убедились в бесполезности и вредности для самих себя сопротивления Советской власти, среди других идет сильнейшее классовое расслоение. Выселение пяти станиц Сунженской линии произвело на казаков ошеломляющее впечатление. Выселение было произведено в полном порядке под охраной Красной Армии. Это убедило казаков в непоколебимой силе советской власти, а с другой стороны, разрешило земельный вопрос для горцев”. Думаю, что эти документы, как и нижеследующие, неожиданно становятся актуальными в связи с событиями на Северном Кавказе в наше время.

Темпераментный Орджоникидзе постоянно обижался, если его работу контролировали. Например, 3 июня 1920 г. Ленин телеграфировал Серго: “Получил Ваше обиженное письмо. Вы рассматриваете напрасно обязательный для меня запрос как недоверие. Надеюсь, что Вы еще и до личного свидания бросите неуместный тон обиды” (51; 206). 29 июня 1920 г. Ленин пишет Орджоникидзе по поводу разделения власти в Баку: “Еще раз прошу не нервничать, а потерпеть немного” (51; 226). Просто ли совпадение — но ровно через год, день в день 29 июня 1921 г. Ленин направит Орджоникидзе очередную телеграмму: “Пока скажу: не нервничайте, потерпите, оставайтесь. Ведите архиосторожную политику” (53; 5). Подобных примеров немало.

И еще блок впервые мною опубликованных документов (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1320). Ленинская записка: *“Думаю, что Серго (Орджоникидзе) врать не способен и что Серафимовичу придется назвать себя и идти на суд”*. А также надпись вождя на конверте с грифом *“Председатель Совета Народных Комиссаров”*: *“Письмо Серафимовича вернуть М.И. (выписки выбрать для Сталина)”*. Эти записки вождя на имя его младшей сестры Марии Ильиничны Ульяновой сделаны не ранее 29 июля 1920 г. Рукописное письмо известного писателя А.С.Серафимовича, впоследствии автора романа “Же-

лезный поток”, из Ростова-на-Дону М.И.Ульяновой от 29 июля 1920 г. мною опубликовано не полностью.

Первую треть своего объемистого письма Серафимович посвятил трагической гибели сына — политкомиссара бригады, который умер от тифа вследствие полного отсутствия в армии лекарств и какого-либо ухода за больными (отметим, что еще 21 мая 1920 г. Ленин выразил Серафимовичу соболезнование по поводу гибели сына и свою глубокую симпатию). Основная же часть письма Серафимовича относится непосредственно к Орджоникидзе.

Вождь незамедлительно отослал Орджоникидзе машинописный текст касающейся его части письма Серафимовича, утаив, однако, фамилию автора. В сопроводительной записке говорилось: “т.Серго! Посылаю Вам доставленные мне сообщения. Верните их, пожалуйста, с Вашими пометками насчет фактов: что правда, что неправда. Горячитесь Вы, верно, здорово при случае? Надо бы Вам взять помощников, пожалуй, и направлять работу посистематичнее. Надеюсь, не обидитесь на мои замечания и ответите откровенно, что и как выправить и исправить думаете. Привет! Ваш Ленин” (51; 269).

На хранящихся в архиве вырезках из письма Серафимовича — пометки Орджоникидзе:

“Впечатлений масса. Часть Вам посылаю в “Правду”, а что нельзя, так расскажу. Кавказ — это осиное гнездо, и полон всяческих неожиданностей. Национализм самый дикий, необузданный. И национализм не только внизу среди масс, но и вверху среди советских и партийных работников. И вот это очень опасно.

Во главе советской власти на Кавказе стоит Орджоникидзе. Большевик, марксист, человек до мозга костей преданный революции, кипучей энергии. (На полях пометка рукой Орджоникидзе: “Дикости вообще сколько угодно на Кавказе. Серго”.)

Есть люди беззаветной храбрости, которые во главе роты чудеса делают. Во главе полка великолепны, бросаясь в штыковой атаке впереди всех. Во главе дивизии — так себе, ибо начальнику дивизии не столько надо бешено нестись впереди всех, сколько сидеть в штабе, держать все нити боя в своей руке и распоряжаться. Во главе корпуса такие люди вредные.

Во главе армии они хуже самого злейшего врага. Таков Орд-жоникидзе.

Здесь, в этом кипучем котле, именуемом Кавказом, нужна железная рука, горячее сердце, холодная, как лед, голова и большой такт. (На полях — “Попросите у автора кандидата. Серго”.) У Орджоникидзе — железная рука, пылкое сердце и такая же буйная, не умеющая собрать концы голова и полное отсутствие такта. Весь он буйно разменялся на мелочи, а клокочущая река жизни народов Кавказа идет мимо него, мимо советской власти. Он гоняется за торговками, самолично их арестовывает, сажает в автомобиль и отвозит в тюрьму. Он избивает в Пятигорске за какую-то провинность красноармейца, сажает в автомобиль, отвозит под арест. При мне во Владикавказе едет он по Военно-Грузинской дороге. Там наши заставы, которые решительно у всех должны спрашивать документы. Спросили у Ордж[оникидзе]. Он пришел в бешенство: “Как! Меня не знаете!” Вырвал у красноармейца винтовку и в кровь избил красноармейца.

Комиссар части, где служит избитый, с дрожью говорил:

— Как же я теперь буду смотреть в глаза красноармейцам? Как же я теперь буду проповедовать им насчет новой власти, если каждый из них бросит мне: бьют-то нам зубы по старому режиму. Хотели подать рапорт, но все боятся, расстреляют.

Был я на Ингушском народном съезде. Ждали там Орд-жон[икидзе]. Приехал, наконец, вышел и сказал:

— Много у меня на душе, о многом хотел поговорить с вами, но среди вас оказался выбранным один мерзавец, поэтому снимаю вам шапочку — прощайте!

Повернулся, сел в автомобиль, сделал знак. Милиция схватила одного из выбранных, Шах-Мурзиева, посадила в автомобиль к Орджон[икидзе], и автомобиль покати. Родственник арестованного карьером понесся за автомобилем, за ним полетела милиция (ингуши же), нагнали, отпороли плетью и поволокли тоже в тюрьму. Тогда родственники избитого арестованного объявили начальнику милиции и всему его роду кровную месть. А вы не можете себе представить, какой это ужас — кровная месть. Теперь начинается кровавый ужас.

Я остался и толкался между ингушами (часть из них говорила по-русски), прислушиваясь. Свободные ингуши говорили:

“Это хорошо, что арестовали Шах-Мурзиева. Только ежели Шах-Мурзиев виноват, надо было арестовать до съезда или после съезда: нехорошо, что арестовали на съезде выборного. Пусть же теперь будет суд, и пусть наши делегаты присутствуют на суде.”

Но у Орджон[икидзе] видимо не хватило материала для предания суду Шах-Мурз[иева], и он заточил его в лагерь.

Шах-Мурзиев был в свое время приставом в Кисловодске. Это отлично знал Орджон[икидзе] и позволял Шах-Мурз[иеву] жить в своей деревне, и озлился, когда того выбрали делегатом. На это необходимо было реагировать, но совсем иначе.

Самый крупный дефект Орджоник[идзе] — это его национализм. Но национализм не в идейном, а в вульгарном значении (Орджоник[идзе] закаленный большевик, марксист), какое-то ослепление к грузинам при выборе работников. Как только встречаю грузина-работника, сейчас же спрашиваю: давно большевик? И мне почти неизменно отвечают: [до] 18 года меньшевик. Я не говорю, что они неискренне перешли в большевизм, но поскреби большевика-грузина — и очень часто обнаружится кожа меньшевика — в фактах, в настроениях, в поступках.

Организовал Ордж[оникидзе] конный отряд, поставил во главе конечно грузина. Тот набрал форменных хулиганов, так что особый отдел X-й армии разоружил этот отряд. Орджон[икидзе] пришел в бешенство. А его ставленник, начальник отряда, не кладя охулки на руку, сдул несколько миллионов и удрал.

Конечно, все это в конце концов мелочи, един бог без греха. Всем этим можно было бы пренебречь, если бы оно покрывалось чем-то общим, большим и сильным. Но вот этого-то нет. Жизнь огромного края идет помимо Советской власти, а это грозно.

Многое хотел Вам написать, да что-то голова плохо работает. Был в Пятигорске и стал плевать кровью, видно простудился. Теперь сижу в Ростове и лучше стало. Через неделю поеду через Харьков и Киев на Зап[адный] фронт. С фронта заеду в Москву. А потом надо поехать отдохнуть и полечиться, а то как бы по нечаянности не сдохнуть! Если Вы напишете сейчас мне в Киев (до востребования, А. Серафимовичу), очень буду благодарен.

Что-то у Вас в Москве делается? Передайте мой искренний привет Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Николаю Ивановичу (Бухарину — А.Л.).

На Кавказ необходимо, во что бы то ни стало, послать на вершушку русского товарища. Об этом мне буквально со всех сторон говорили.

*Знаю, что невероятно трудно, но нужно оторвать одного из лучших товарищей с холодной головой и послать. Есть пред-
рассудок: край надо знать. Вздор! Голова на плечах есть, бы-
стро разберется. Не боги горшки.*

Всего лучшего. Ваш А. Серафимович.

На Дону очень плохо”.

Ниже следует еще один впервые опубликованный мной блок документов из “секретного” фонда (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2с, д.1319).

Письмо Орджоникидзе Ленину на бланке “РСФСР. Революционный Военный Совет Кавказского фронта. 1920 г. Действующая армия”:

“Владимир Ильич! Иначе я поступить не мог. Факт присылки этих гаденьких инсинуаций говорит за то, что и Вы кое-чему поверили или по крайней мере решили проверить. В данном случае лучшее средство Ревтрибунал. Не обижайтесь, Владимир Ильич, но иное решение вопроса я считаю для себя неприемлемым. М[ожет] б[ыть], надо было сделать больше, надо было временно, до разбора дела в Ревтрибунале, отойти от работы, но острое положение на Кубани и вообще на Кавказе заставляет меня подавить в себе субъективные чувства и настроения, тем более, что такое разрешение вопроса было бы на руку только барону Врангелю, а быть может и вашему информатору.

С. Орджоникидзе.

28/VIII-20г.”

На обороте письма — надпись рукой Ленина: “*От Серго (ответ на клеветы)*”.

И, наконец, написанное рукой Орджоникидзе заявление:

“Председателю Ревтрибунала Реввоенсовета республики.

Копия — ЦеКа РКП.

Копия — Предсовнаркома т. Ленину

[от] Члена Реввоенсовета кавказского фронта [Орджоникидзе] Сергея Константиновича (так в тексте — А.Л.)

Заявление.

27 августа 1920 года в городе Ростове я получил письмо от Председателя Совнаркома тов. Вл. Ил. Ленина с приложенны-

ми выписками из сообщений неизвестного мне автора о моей политической работе на Кавказе.

Прилагая при сем копии названных сообщений, в которых приведенные г. анонимом факты являются извращенными и лживыми, явно проникнутыми тенденцией опорочить мою революционную работу на Кавказе, прошу Вас расследовать возбуждаемое мною дело в Ревтрибунале Республики.

Все дополнительные данные, а также документы и материалы, кот[орые] понадобятся для опровержения клеветнических инсинуаций анонима перед тов. Лениным, направляемые против меня, я по первому Вашему требованию представляю Ревтрибуналу.

Прошу означенное дело рассмотреть в строгом порядке.

К "фактам" анонима прилагаю свои объяснения.

1. Обвинение: "Он гоняется за торговками, самолично их арестовывает, сажает в автомобиль и отвозит в тюрьму..."

Объяснение: Никогда ничего подобного не имело места в моей работе и жизни.

2. Обвинение: "Он избивает за какую-то провинность красноармейца, сажает в автомобиль и отвозит под арест".

Объяснение: Гнусная ложь.

3. Обвинение: "Заставы, которые решительно у всех должны спрашивать документы, спросили у Орджоникидзе. Он пришел в бешенство: "Как, меня не знаете", вырвал у красноармейца винтовку и в кровь избил красноармейца..."

Объяснение: Случай с заставой происходил так: я, председатель Терского Исполкома т. Квиркелия, тов. Элердов и секретарь мой т. Мирзабекия ехали на автомобиле по Воен[ной] Груз[инской] Дор[оге] к пограничному с Грузией пункту Ларсу для осмотра пограничной линии. За городом Владикавказом находилась продовольственная застава из осетин и ингушей. На подъезде к заставам, в красноармейской форме с винтовкой в руке, босой [красноармеец] остановил нас и, узнав, кто мы и куда едем, без всяких разговоров пропустил. Прежде чем машина двинулась, Член Реввоенсовета 10 армии тов. Квиркелия спросил у красноармейца, почему он на часах стоит босой. На что получил ответ: "жарко". Тогда я вмешался и приказал красноармейцу вызвать караульного начальника. Я намерен был сделать ему указание на недопустимость выставления босых часовых вообще, и в частности при наличии обуви, на проезжих дорогах, где они про-

своими сотрудниками в распоряжение Комфронт Юг-Запад Харьков. Беленкович”.

Весь этот отряд был разоружен, арестован и разогнан не по инициативе начсособотдела 10 армии, а по моему категорическому приказанию Нач[альнику] Особ[ого] Отдела Медведеву. Когда после этого скрылся нач[альник] дивизии (неразб. слово — А.Л.) отряда Маркозашвили, лично под моим руководством был он разыскан и арестован. Подтвердить все это могут Е.Д. Стасова, уполномоченный ВЧК Ландер и бывший нач[альник] Особ[ого] Отдела тов. Медведев, бывшие в это время [во] Владикавказе.

б обвинение. Что касается насчет скобления грузинских большевиков, из которых получается меньшевик, то это в огромном своем большинстве является для меня сомнительным, но вне всякого сомнения, что если и не потрудиться скоблить анонимного информатора, то из его литературной информации все же предательски выглядят [выглядывают] длинные уши низкопробного ябедника в лучшем случае, а в худшем — жалкого клеветника.

Член Реввоенсовета Кавфронта

С. Орджоникидзе.

Ростов Н/Д

28/VIII.20 г.”

Через несколько дней Ленин шлет Серго телеграмму: “2/IX.1920. Ревсовет Кавказфронта Орджоникидзе. Получил Вашу телеграмму. Не стоит Вам возмущаться. Если сообщения Икса ложны, напишите спокойно десять строк опровержения и пришлите мне письмом...” (51; 273).

Таким образом, Орджоникидзе нисколько не потерял в доверии вождя, который считал необходимым ограничиться вместо ревтрибунала “десятью строками опровержения”.

Можно посочувствовать Серго — состав руководимых им воинских частей был, мягко говоря, “сложен”. Еще 19 ноября 1919 г. Орджоникидзе сообщал Ленину: “Далее мы вступаем в район повстанцев — партизан. Здесь нам необходимо держаться в высшей степени гибкой политики: надо массы партизан влить, растворить в армии, во что бы то ни стало переварить их, всевозможных “батько” выдергивать и одних отправлять на тот свет, других взять и подчинить себе”.

Кого “отправлять на тот свет”, а кого “взять и подчинить себе” — решал, само собой разумеется, Серго единолично!

Есть много воспоминаний о находчивости и смелости Орджоникидзе на Кавказе в начале 20-х годов. Например, его близкий соратник А.М.Назаретян пишет:

“Мужество и отвага, простота и человечность, прямота и честность Серго создали неопишное обаяние его личности среди народов Северного Кавказа.

Серго проверяет посты. Подходит к мосту. У моста горец с винтовкой:

— Стой, кто идет?

— Это я.

Горец наклоняется к уху Серго и спрашивает:

— Пропуск “мушка” знаешь?

— Знаю, “мушка”.

— Патрон, — подает ответный пароль горец и пропускает.

Приходится Серго поучать его тут же, что с такой охраной город может быть занят без выстрела. Горец понял допущенную глупость и был огорчен, что Серго его не наказал. Такое снисходительное отношение к себе он считал большим наказанием”.

В этом эпизоде есть что-то от героев Ярослава Гашека. Но сам Серафимович в журнале “Октябрь” в 1936 году (пик влияния и славы Орджоникидзе), в противовес своему письму Марии Ильиничне 1920 года, тепло вспоминал о геройском поведении Серго на ингушском съезде. По его словам, Орджоникидзе смело прошел в середину толпы, она замкнулась за ним, и зазвучал над головами громкий голос Серго:

“Нет, вы не честные советские граждане, вы — укрыватели бандитов!.. Среди вас — бывшие офицеры. Среди вас — богачи, смертельные враги Советской власти, стало быть, и ваши враги, враги бедноты, всех трудящихся. Среди вас — отъявленные контрреволюционеры”.

Переводили фразу за фразой, и толпа сомкнуто сдвинулась — круг около Орджоникидзе тесный.

“Вы... если только вы не враги Советской власти, сейчас же сию минуту должны выдать врагов Советской власти.

Все недвижимо замерло. Тяжело нарастало ожидание непоправимого.

Вдруг волны пошли по толпе от краев к середине — заколыхались мохнатые шапки. “Ага... все?!” Я взглянул на Орджоникидзе: он был спокоен и нахмуренно ждал.

Волна человеческая добежала до середины и поставила, шатая, перед Орджоникидзе несколько человек, и глаза их пылали неугасимой ненавистью. Особенно врезался мне старик: борода седым клинышком, в черкеске с газырями, наискось кинжал. Нет, я никогда не видел такой нечеловеческой ненависти.

Орджоникидзе молча повернулся, пошел, не оглядываясь.

Толпа за ним донесла до автомобиля этих задыхающихся ненавистью людей.

Далеко за автомобилем покрутилась пыль и растаяла. Слева стояли лесистые горы.

Когда мы ехали назад, товарищ сказал мне:

— “А вы знаете, дело на ниточке висело, — могли искрошить шашками”.

И вот очередная жалоба на Орджоникидзе — теперь уже осенью 1920 года, источник её — ВЧК. Особоуполномоченный Особого отдела ВЧК В.Л.Лукашев (Вадим) 12 сентября 1920 г. направил Ленину и в ЦК РКП(б) доклад о положении на Северном Кавказе. Доклад этот содержал ряд критических замечаний в адрес Орджоникидзе и некоторых других руководителей Кавказского бюро ЦК РКП(б). Эти руководители, и прежде всего Орджоникидзе, по мнению Лукашева, нередко личные взаимоотношения с работниками ставили выше интересов дела, использовали недозволенные приемы борьбы с товарищами, допускавшими инакомыслие. О том, что Ленин внимательно ознакомился с этим докладом, свидетельствуют его подчеркивания, пометки: “Вадима (Лукашева)”, “в архив”.

Документы тех лет свидетельствуют: никто так не прославлял Сталина в тот период, как Серго. Например, еще 9 июля 1920 г. Орджоникидзе в качестве члена Реввоенсовета Кавфронта сообщает о вручении золотых кинжалов Буденному и Ворошилову “через нашего друга, вождя товарища Сталина”. А в ноябре 1920 года бакинский “Коммунист”, контролируемый Орджоникидзе, с восторгом писал: “С визитом в Баку приехал тов.Сталин — рабочий руководитель исключитель-

ной самоотверженности, энергии и твердости, единственный признанный авторитет по вопросам революционной тактики и вождь пролетарской революции на Востоке и Кавказе”.

Преданность Сталину Серго проявлял еще в период подпольной борьбы. В “Правде” накануне 50-летнего юбилея Сталина, 20 декабря 1929 г. под характерным названием “С подлинным верно” была опубликована статья Демьяна Бедного, в которой дана положительная оценка воспоминаниям Семена Верещака. Сокамерник Кобы-Сталина в Баиловской тюрьме в Баку в 1908 году, Верещака затем эмигрировал из России и напечатал свои воспоминания в газете Керенского. В них был зафиксирован такой эпизод в камере: “Никогда не забуду одной “аграрной дискуссии” Кобы, когда его сотоварищ Серго Орджоникидзе, защищая положение Кобы, в заключение схватил за физиономию содокладчика эсера Илью Карцевадзе, за что был жестоко эсерами избит”.

И не удивительно, что двенадцать лет спустя в защиту Орджоникидзе рьяно выступил сам Сталин. Он направил председателю Совнаркома в Москву следующую телеграмму (лишь недавно опубликованную):

“Тов. Ленину. Владикавказ. 29/X-20 г. Так называемый доклад Вадима из Особотдела о работе Орджоникидзе на Кавказе вызвал бурю негодования среди наиболее ценных и незаменимых работников Кавказа. Данные, мною проверенные на месте, вскрыли недопустимую клевету со стороны Вадима и его информаторов. Кавбюро посылает Вам свой протест и требование суда над Вадимом. Я не считал тактичным вмешиваться в это дело здесь, на Кавказе, но должен заявить, что мнение Кавбюро по этому вопросу разделяю целиком. Несомненно, что Вадим не может оставаться в Особотделе и должен быть предан партийному суду.

Сталин”.

На телеграмме ленинская пометка: “В ЦЕКА Бричкиной для Крестинского”.

Для проверки и разрешения конфликта оргбюро ЦК РКП(б) создало специальную комиссию, которая приняла сторону особоуполномоченного Особого отдела ВЧК и пришла к выводу, что Кавбюро, оценивая доклад Вадима, “действовало поспешно, без всякого ознакомления и проверки документов”, лежавших в его основе.

В заключении комиссии указывалось, что хотя Лукашев и допустил в докладе ряд неосмотрительных выражений, однако он “не проявил недобросовестного отношения к фактам”.

Каких-либо наказаний Орджоникидзе избежал и на этот раз.

В 1921 году Орджоникидзе награждается за боевые отличия “на ответственных постах Красной Армии с начала гражданской войны” орденом Красного Знамени, а также орденом Красного Знамени Азербайджанской ССР.

На X съезде партии его впервые после октябрьского переворота избирают членом ЦК РКП(б). Причем и Ленину, и Сталину пришлось уговаривать делегатов съезда проголосовать за Серго, ибо ряд представителей Кавказа выступали против, напоминая грубые выходки Орджоникидзе. По воспоминаниям А.И.Микояна, на делегатов произвели впечатление, вызвали улыбки и даже добродушный смех такие аргументы Ленина: “Серго кричит на всех, потому что глуховат на левое ухо и беспокоится, что его не услышат”.

В 1922 году Орджоникидзе приглашал Ленина и Крупскую отдохнуть на Кавказе и вождь слал ему записки с уточнением этого плана — просил “подробной карты и сведений о пригодном месте (или пригодных местах) — высота над уровнем моря, изолированность и пр. и т.д.; также описания этих мест и тех уездов и губерний, где они находятся”; сообщал, что для здоровья Надежды Константиновны “Боржом очень годится” (54; 231, 241-242).

В невошедшем в “полное” собрание сочинений письме к Орджоникидзе 9 апреля 1922 г. вождь запрашивал: “... мне надо поселиться **отдельно**. Образ жизни больного. Разговора даже втроем я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: **ухудшение!**). Либо отдельные домики, либо только такой большой дом, в коем возможно абсолютное разделение. Это надо принять во внимание. Посещений быть не должно.” (Лен. сб. XXXVII, стр. 359). Обратим внимание — за несколько недель до первого приступа Ленин не выносил присутствия своих соратников — но ему и в голову не приходила мысль о поисках преемника на посту главы правительства.

Эта поездка вождя и его супруги на юг не состоялась. А у Серго назрели новые неприятности. Известно, какую беспо-

щадную репрессивную политику проводил Орджоникидзе против национально мыслящих азербайджанцев и армян (которых клеймил как “муссаватистов” и “дашнаков” порою вне зависимости от их партийной принадлежности). Опьяненный бакинскими успехами, Орджоникидзе пытался проводить подобную же политику в Грузии, где Ленин пробовал порою сдерживать его пыл. Особенностью обстановки здесь было противостояние Серго не с антикоммунистически настроенными “националистами”, а с самими грузинскими коммунистами, причем такими влиятельными, как Буду Мдивани и Филипп Махарадзе, которых Сталин вскоре заклеил как “национал-уклонистов”. Орджоникидзе, пользуясь могучей поддержкой Ленина и Сталина, распоясался до предела.

Коммунисты Окуджава и Какабадзе направили в ЦК РКП(б) заявление, в котором просили “защитить их от постоянных угроз и невыносимых оскорблений со стороны потерявшего совесть Орджоникидзе”. Серго ответил на запрос ЦК: “Плод гнусной склоки. Все эти нелепые слухи рождены в атмосфере фракционной драки... Надеюсь, в самом непродолжительном времени здоровье Владимира Ильича даст мне возможность подробно и всесторонне выяснить все эти и другие вопросы в личной беседе с ним”.

В ночь с 20 на 21 октября 1922 г. по прямому проводу с запиской, критикующей Орджоникидзе, обратились в ЦК РКП(б) коммунисты Коте Цицнадзе, Сергей Кавтарадзе и другие. Информирова о намерении грузинского ЦК всем составом выйти в отставку, они просили через Бухарина или Каменева передать Ленину, что “все это создано Орджоникидзе, для которого травля и интриги — главное орудие против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало уже невозможно жить и работать при его держимордовском режиме. Неужели мы не заслужили лучшего руководителя в смысле марксистском и товарищеском и обречены быть объектом самодурства”.

В ответной телеграмме (копия — Орджоникидзе) Ленин резко осадил жалобщиков: “Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цицнадзе и других, переданной мне почему-то Бухариным, а не одним из секретарей Цека. Я был убежден, что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума Цека при моем косвенном

участии и при прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение Секретариата ЦК РКП, которому и передано ваше сообщение по прямому проводу. Ленин” (54; 299-300).

Но Орджоникидзе заносило все больше — и в своей квартире он бьет по лицу “уклониста” Кабахидзе, назвавшего его “сталинским ишаком”. Сталин демонстративно поддерживает Серго, но так как отношение тяжело больного Ленина к Сталину к этому времени резко ухудшилось — то вождь “прозревает” и по отношению к Орджоникидзе. Так называемое “грузинское дело” хорошо известно. В работе “К вопросу о национальностях или об “автономизации” Ленин возмущается, что “дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия”. “Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе, — гневался Ильич. — Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин... нужно примерно наказать тов.Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции)...” (45; 356, 358, 361).

И последние в своей жизни слова, которые продиктовал Ленин:

“Строго секретно

т.т.Мдивани, Махарадзе и др.

Копия — т.т.Троцкому и Каменеву

Уважаемые товарищи!

Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

6-го марта 23 г. С уважением, Ленин” (54; 330).

Лев Троцкий свидетельствовал, что союзника Сталина — Орджоникидзе “Ленин считал необходимым за бюрократическое самоуправство на Кавказе исключить из партии. Я возражал, Ленин отвечал через секретаря: “По крайней мере на два года”. Как далек был Ленин в тот момент от мысли,

что Орджоникидзе станет во главе Контрольной Комиссии, которую Ленин намечал для борьбы против сталинского бюрократизма и которая должна была воплощать совесть партии”.

Неверен был бы вывод, что Ленин возмущался этической стороной рукоприкладства, этой “биомеханикой”, по его словам, со стороны Орджоникидзе. Все вопросы, в том числе и мордобой, он рассматривал с точки зрения интересов мировой революции. Например, когда сторонник Пилсудского Игнаци Дашинский организовал избиение крестьянского лидера Томаша Домбаля, то Ленин 19 октября 1921 года размышлял в “Письме польским коммунистам”: “Стоит ли отвечать на избиение Домбаля Дашинским и К°? Если отвечать, то избиением Дашинского без выстрелов, без ранения, только так. Это, может быть, стоит, раз получится успешная выучка наглеца рабочими, подъем их духа, жертва (тюрьмой или расстрелом) 5-10 рабочих. Но, может быть, и этого не стоит: **полезнее** для агитации среди **крестьян**, что **нашего** Домбаля зверски избили? Может быть, это **лучше** повернет симпатии **отсталых** крестьян к нам, чем мордобой Дашинскому? Надо взвесить потщательнее”.

В центре размышлений вождя — не живые люди, а цифры. В указанном случае, например, выгодно пожертвовать десятком рабочих. В этом же письме Ленин дает расчеты в масштабах всей Польши: “Если 100-300 человек убьет буржуазия, это не загубит дела. Но если она сможет, спровоцировав бойню, убить 10-30 **тысяч** рабочих, это **может** задержать революцию **даже и на несколько лет**” (44; 181).

И вывод, который напрашивается — вождь многие годы выдвигал недоучившегося фельдшера Орджоникидзе, раздававшего направо и налево пощечины. И одновременно травил и преследовал Рожкова — интеллектуала, сторонника социалистического переустройства России, надоедавшего, впрочем, вождю своими советами.